

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739

EDN: FQZJXO

Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты*

М.К. Горшков^{1,2}, И.О. Тюрина²

¹Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия

²Институт социологии ФНИСЦ РАН,
ул. Большая Андроньевская, 5, стр. 1, Москва, 109544, Россия

(e-mail: m_gorshkov@isras.ru; irina1-tiourina@yandex.ru)

Аннотация. Гражданская идентичность — один из ключевых ресурсов сплочения российского социума. В ее основе лежит историческое самосознание народа, общая историческая память, солидарная коммеморация значимых исторических событий и достижений государства и общества. Гражданская идентичность российской нации сконцентрирована вокруг советского наследия: российская реальность наполнена советскими реминисценциями и маркерами исторической памяти, многие из которых выступают «скрепами» дифференцированного социального пространства. Однако советский период все более отдалается, обрастая мифами и упрощенными интерпретациями, обостряется внимание к трактовке неоднозначных событий советской истории, что может повлечь критическую ревизию советской ценностной парадигмы в отношении исторического наследия и политики памяти, стать катализатором центробежных настроений, породить угрозы безопасности и целостности государства. От того, какие маркеры идентичности будут доминировать в массовом сознании россиян и ка-

*© Горшков М.К., Тюрина И.О., 2023

Статья поступила 10.05.2023 г. Статья принята к публикации 14.09.2023 г.

кими будут важнейшие референтные группы самоидентификации, зависит эффективность государственных институтов и перспективы структур гражданского общества. Как следствие, особую актуальность обретает изучение исторического сознания и памяти россиян как базовых начал национального консенсуса, выявление особенностей посткризисного исторического мировоззрения разных групп российского социума. На основе данных мониторинговых исследований ИС ФНИСЦ РАН (массовые опросы, проведенные в 2020–2023 годы на репрезентативной общероссийской районированной квотной выборке; N = 2000) и комплексного подхода оценивается состояние исторического и ценностного сознания россиян в условиях современных вызовов: интерес к истории и фактическим сведениям о ней, восприятие исторических периодов и ведущих исторических деятелей; отношение к отечественной истории, формированию общероссийской идентичности и к роли в этом процессе семейной памяти; «новое видение» России и ее будущего, тренд на переосмысление обществом идеи перемен и пути развития страны, понимаемого в массовом сознании через концепт самобытной модели мироустройства и цивилизационного суверенитета; представления о ключевых социальных группах, способствующих или препятствующих развитию страны, и задачах, которые предстоит решить на пути созидания России будущего. Основные выводы представлены в статье в виде постулатов.

Ключевые слова: постсоветская Россия; консолидация общества; вызовы и угрозы; гражданская идентичность; историческое сознание; историческая память; отечественная история; социологическое постулирование; российская модель мироустройства; видение России и ее будущего

Одним из ключевых ресурсов сплоченности современного российского общества является гражданская (государственно-гражданская) идентичность — осознание принадлежности к сообществу граждан России, чувство солидарности с ними; образ «мы», объединяющий россиян и определяющий их взаимосвязанность традициями, ценностями, единством исторических судеб и образа жизни, языка и культуры, эмоциональными состояниями, способность действовать сообща, уверенность в поступательном развитии страны [см., напр.: 5; 6; 21 и др.]. В основании гражданской идентичности, в структуре которой выделяют три базовых компонента — когнитивный, ценностный и эмоциональный, лежит историческое самосознание народа — сложный духовно-практический феномен, отличающийся в том числе ориентацией на отсутствие исторической целостности в объяснении и интерпретации событий прошлого, конкретностью, подверженностью политико-идеологическому воздействию и деятельным началом [14. С. 91] и включающий в себя множество разнокачественных (рациональных, нравственных, эстетических, эмоционально-чувственных) элементов: общая память о прошлом и его оценки, осознанное или неосознанное чувство единства исторической судьбы и порожденное им «родство по истории», знание значимых достижений государства и общества, национально-государственных символов, исторических героев и традиций [см., напр.: 1; 7; 11; 15 и др.]. Историческое самосознание народа играет важнейшую роль в определении человеком и группой своей идентичности и потому влияет на выбор политических, социальных и иных предпочтений: «Единое историческое сознание — это целый комплекс...

исторических событий, единая оценка которых отточена веками общей исторической судьбы, а признание этой оценки и обозначает... принадлежность к народу; это и вполне реальное ощущение человеком причастности собственной... судьбы к чему-то большому, значимому, великому, причастности современных поколений к исторической судьбе своего народа, понимание ими собственной исторической и нравственной ответственности за свою землю и свой народ перед прошлыми и будущими поколениями» [13. С. 35].

Историческое сознание — явление устоявшееся, опирающееся на традиционные ценности, идеалы и смыслы, но одновременно и весьма пластичное — поддающееся влиянию изнутри, меняющееся в зависимости от внешних обстоятельств и контекста. Будучи многогранным и многоуровневым, в структуре общественного сознания оно «фиксирует... аспекты стабильности и изменчивости в их временном бытии», совмещает в себе «все три модуса исторического времени — прошлое, настоящее и будущее»: становление исторического сознания происходит в процессе взаимодействия субъекта (социальных общностей и индивидов) с развивающейся исторической реальностью [10. С. 17–20]. Источники формирования исторического сознания — стихийного или управляемого — как разновидности знания обществом своего прошлого и современности разнообразны: историческая память, фольклор, религиозные учения, мифология, официальные государственные концепции, реализуемые через систему образования, культуру, средства массовой коммуникации, научные интерпретации, произведения литературы, искусства и пр. Подвержено оно и влиянию отдельных социальных групп, обозначающих свои исторические приоритеты в качестве «общезначимых», что делает историческое сознание «ареной борьбы различных социально-политических сил с целью утверждения определенных целей исторического развития, ведь борьба за историю — это всегда борьба за настоящее и будущее» [13. С. 33].

Характеризуя суть и содержание исторического сознания как фактора становления современного российского социума, подчеркнем отсутствие единой трактовки данного термина [см., напр.: 3; 12; 14; 19; 22 и др.]. Так, Ж.Т. Тощенко полагает, что «оно представляет собой совокупность идей, взглядов, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присущем и характерном как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей» [23. С. 3]. Ю.А. Левада утверждает, что понятие это охватывает «все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознает... свое прошлое... воспроизводит свое движение во времени» [9. С. 305]. Приведенные дефиниции не исчерпывают всего их спектра: в литературе представлены и другие подходы к пониманию содержания исторического сознания — онтологический, гносеологический, аксиологический, антропологический, деятельностный и пр. [см.: 10; 14; 22].

Всплеск интереса к историческому сознанию, его становлению, формированию лежащей в его основе общей исторической памяти — «определенным образом сфокусированного сознания, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим», являющейся «выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания» [23. С. 3], был зафиксирован в последние десятилетия на фоне процессов, начавшихся в России на рубеже XX–XXI веков и обусловивших фундаментальные социокультурные изменения — ожививших «историческое чувство», способствовавших переосмыслению истории, переоценке социально значимых ценностей и символов, хранящихся в историческом сознании [12]. Вместе с тем проблематика эта не нова: необходимость обращения к ней и учета многочисленных условий и факторов, влияющих на функционирование исторического сознания и памяти, признавалась еще на ранних ступенях развития общества — в эпоху, когда история воспринималась в качестве «наставника», обеспечивающего образцы для социализации, своего рода «памяти народа», формирующей его сознание, а позже — как способ познания мира, средство просвещения и развития личности [16].

В советский период понятие исторического сознания было разработано в отечественных социально-гуманитарных науках относительно слабо. Научные труды, посвященные его гносеологической природе, взаимосвязи с историческим знанием, закономерностям генезиса и становления, социальной природе и функциям, появляются лишь в конце 1970-х — начале 1980-х годов и носят общеполитологический характер. Со второй половины 1980-х годов советское обществоведение обращается к теории исторического сознания как формы сознания общественного, в том числе к выделению его уровней и образующих их компонентов (знание истории, исторический опыт, социальное прогнозирование и пр.), к проявлению исторического сознания в переходный период, значимости исторического сознания, его взаимосвязи с исторической правдой и т.п. Постперестроечный период характеризовался появлением фундаментальных трудов по различным аспектам рассматриваемого феномена: «обществоведческую литературу тех лет, в которой ставились и решались вопросы, связанные с понятием и различными сторонами функционирования исторического сознания, можно условно разделить на три группы: (1) работы, посвященные общим теоретическим проблемам исторического сознания и отдельным его сторонам; (2) философская литература о сущности, содержании, структуре социокультурного кризиса переходного периода, отражающая, в том числе, и характер исторического сознания в сложившихся условиях; (3) философские труды, рассматривающие непосредственно проблему исторического сознания в переходный период отечественной истории» [10. С. 11].

Изучение исторического сознания и памяти не ограничивается их теоретическим осмыслением — предпринимаются многочисленные попытки рассмотреть их «сквозь призму эмпирики», оценить особенности исторического сознания населения. Однако социологическое измерение состояния и динамики исторического сознания, прежде всего исторических символов и оснований исторической гордости, осуществляется крайне редко. Вместе с тем, как показывают исследования Института социологии (ИС) ФНИСЦ РАН, историческая память оказывает влияние на эмоционально-смысловые структуры идентичности, а через них — на массовое сознание и поведенческие практики. В то же время исторические представления формируют специфическую когнитивную структуру, которую можно определить как исходную матрицу понимания [2]. Преэминентность поколений и консенсус в оценке предшествующих исторических эпох — естественные условия социального воспроизводства и конструктивной коммуникации. Это означает, что, если в обществе по каким-либо причинам — социальным или геополитическим — возникает потребность заново отразить свою идентичность, актуализируется и запрос на определенную интерпретацию истории [2. С. 335].

Многолетние массовые опросы россиян демонстрируют, что гражданская идентичность современной российской нации сконцентрирована вокруг советского наследия. С начала 1990-х годов ключевые символы и поводы коллективной гордости практически не меняются — победа советского народа в Великой Отечественной войне и последующее восстановление страны, великие деятели отечественной науки, культуры и искусства. Реальность россиян полна советскими реминисценциями и маркерами исторической памяти, многие из которых выступают «скрепами» социума. Однако с каждым годом советский период все более отдаляется, обрастая упрощенными интерпретациями, а в ситуации внешнеполитической изоляции России обостряется внимание недружественных ей государств к трактовке неоднозначных событий советской истории, что провоцирует внутрисоциальные дискуссии о советском наследии, ревизию и пересмотр ценностной парадигмы в части политики памяти, объединяющей этнокультурно многообразный российский социум.

Общее советское прошлое определяет главным образом самосознание старших поколений, тогда как для молодежи оно относится скорее к сфере исторической памяти. Учитывая фиксируемую сегодня тенденцию частичной утраты «глобальными идентичностями» своего влияния, тот особенно заметный в молодежной среде факт, что идентичности эти зачастую уступают чувству общности в группах низовой самоорганизации и регулярной коммуникации, а также падение уровня исторических знаний и сужение культурного кругозора молодых людей, можно утверждать: особую значимость обретают вопросы сохранения исторической памяти как основы культурной преемственности поколений и национально-гражданской идентично-

сти, а, значит, переосмысления гуманитарной компоненты образовательных программ в школах и вузах. Меняется и социальная среда, которая начинает играть роль не столько «хранителя» национальных образцов культуры, языка, традиций и ценностей, сколько «посредника», задающего тематическую направленность межкультурной коммуникации. Это способствует актуализации в этнокультурных группах собственной идентичности, в том числе через поддержку соответствующих политических проектов, и может стать катализатором центрбежных настроений и конфликтов.

Акцент на вопросах, связанных с диагностикой массового исторического и ценностного сознания россиян, был сделан научным коллективом ИС ФНИСЦ РАН в период 2020–2023 годов (1). Основные выводы исследований, проведенных в это период, представлены в статье в виде постулатов — положений, которые принимаются за истинные в силу теоретической или практической необходимости, — и соответствующих комментариев (эмпирических обоснований) к каждому из них (2).

1. В большинстве своем российские граждане проявляют очевидный интерес к мировой и особенно отечественной истории. Во многом это обусловлено значимой ролью исторического прошлого в консолидации населения как на локальном, так и на страновом уровне, в условиях повышенной опасности и рисков для судеб отечества. Заинтересованность в исторических знаниях заметно выше в группах высокообразованных, хорошо обеспеченных россиян, активно использующих современные информационные технологии. Главные источники исторических сведений практически для всех социально-демографических групп — исторические художественные и документальные фильмы, телесериалы, семейные архивы и Интернет (особенно в молодежной среде) (Табл. 1).

Таблица 1

Источники информации об истории России, сентябрь 2020 года, %

Источники информации	
Исторические художественные фильмы и сериалы	45
Исторические документальные фильмы	40
Воспоминания и рассказы родных, близких, семейные истории	32
Интернет-ресурсы, посвященные исторической тематике	26
Исторические романы, художественная литература	25
Посещение музеев, туристические поездки, экскурсии	24
Школьные и вузовские учебники истории	21
Историческая научная литература, исторические исследования	19
Специализированные программы и ток-шоу на телевидении	13
Мемуары, воспоминания видных исторических деятелей	12
Компьютерные игры с историческими сюжетами	4
<i>Историей не интересуются</i>	17

Наряду с этим выделяется «ядро» серьезных почитателей истории (около 20%), для которых основным источником исторических знаний и сведений является научная литература, вплоть до специальных исследований. Существование этой группы сдерживает попытки «пересмотра» и фальсификации отечественной истории: ее представители — по сути, ведущие субъекты адекватного восприятия исторических символов и ключевых событий исторического прошлого.

2. В массовом сознании россиян история страны определяется не переходными этапами, связанными с конкретными реформами, правителями или политическим строем, а ключевыми событиями, которые соотносятся с коренными изменениями условий жизнедеятельности людей. Так, переломным событием, определившим ход отечественной истории в советский период, россияне считают Великую Отечественную войну и одержанную в ней героическую победу советского народа (Рис. 1). Что касается досоветской истории, то в представлениях россиян она тесно связана с православием, поэтому определяющее значение для нее имеет Крещение Руси. Среди оказавших значительное влияние на историческое развитие страны событий современности наши сограждане называют прежде всего воссоединение Крыма с Россией.

Рис. 1. События, оказавшие наибольшее влияние на историческое развитие России, сентябрь 2020 года, %

3. Одна из тревожных тенденций нашего времени — общее снижение уровня исторической компетентности по мере смены поколений. Данный процесс имеет место практически во всех странах, особенно в молодежной среде. В России его проявления отчетливо коррелируют с переходом

к постсоветской школе, основанной на принципе предоставления «образовательных услуг». В целом россияне воспринимают свою историческую компетентность умеренно критически (Рис. 2): вполне компетентным себя видит примерно каждый десятый, а это в два раза меньше доли опрошенных, которые интересуются событиями и явлениями прошлого. Немногим более половины полагают, что имеют об отечественной истории общее представление, примерно треть считает себя малосведущими в исторических вопросах.

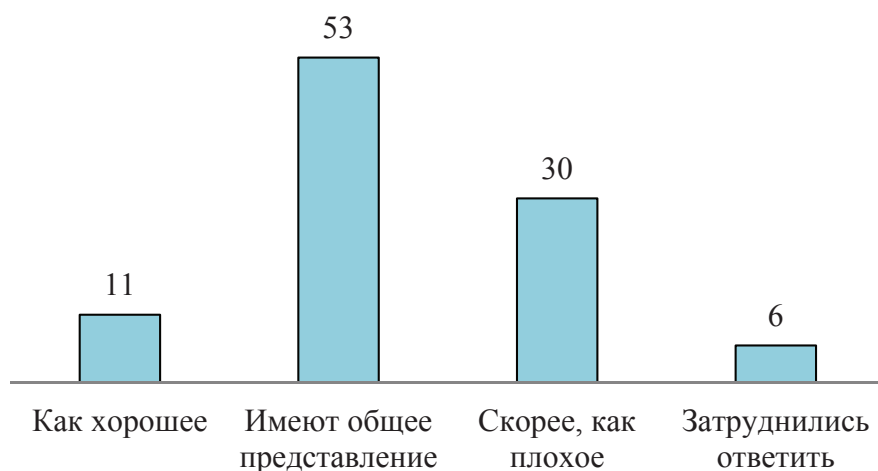

Рис. 2. Как россияне оценивают свое знание истории России, сентябрь 2020 года, %

4. *Всеобъемлющая цифровизация и информационная открытость создают благоприятные условия для поиска заинтересованными гражданами достоверных исторических фактов и их источников, прежде всего о прошлом своей семьи.* Восстановление разрушенной историческими перипетиями семейной истории и фамильной памяти оборачивается порой неожиданными находками, в том числе свидетельствующими об исторической несправедливости в отношении членов семьи: знание семейной истории, информированность об участии родных в знаковых исторических событиях питают чувство гордости за историю страны, а отсутствие семейной памяти делает ее восприятие более драматичным. В семейном опыте значительного числа россиян пересекаются противоречивые оценки одних и тех же исторических периодов, что, однако, не приводит к неоправданно критическим оценкам прошлого, а, напротив, мотивирует к его познанию и принятию, не фокусируясь на травмирующих событиях национальной истории. Подавляющее большинство россиян (86 %) интересуется историей своей семьи, причем каждый третий — деятельно, стараясь узнать новые факты биографии родных.

5. В российском обществе растет и укрепляется убежденность, что от трактовки прошлого зависит будущее, поэтому «борьба за прошлое» имеет огромное политическое значение, в том числе международное. Россияне в большинстве своем настаивают на противодействии искажению исторической правды, особенно если речь идет о Великой Отечественной войне: около 40 % объявляют себя сторонниками решительной полемики с теми, кто допускает фальсификацию исторических фактов, еще треть предпочитает популяризировать понимание истории в фильмах и литературных произведениях, в СМИ и социальных сетях — в сумме это свыше 70 % опрошенных. Порядка 8 % россиян предлагают не обращать внимания на недоброжелателей, и только один из двадцати пяти готов безоговорочно принять критику в адрес страны.

Значительная доля россиян (чуть менее 40 %) полагает, что историческое знание специфично и не относится к категории «вечных истин», поэтому оценки исторических личностей и событий могут меняться. Вместе с тем каждый второй испытывает потребность в устойчивых ориентирах и «общем историческом нарративе», считая необходимым наличие универсальных оценок по крайней мере в отношении основных исторических вех и эпизодов. Тем самым социологическая диагностика фиксирует общественный запрос на целостную интерпретацию ключевых исторических фактов и символов отечественной истории.

Не менее важно и то, что попытки убедить российское общество в необходимости пересмотра и переоценки истории страны на основе ее западных версий не встречают поддержки у подавляющей части россиян и зачастую, в условиях резкого обострения отношений между Россией и Западом, объясняются злонамеренными мотивами — от стремления преуменьшить российский вклад в мировую историю до намерения спровоцировать на постсоветском пространстве конфликты. Лишь пятая часть опрошенных (19 %) допускает, что исторический ревизионизм в отношении России обусловлен желанием донести до общественности достоверную информацию.

В контексте проблемы исторической правды встает вопрос об интеллектуальной и гражданской честности. Отстаиваем ли мы принятую в России версию истории потому, что она «наша»? Или важнее ее соответствие действительности? Как следует из данных в Таблице 2, доля сторонников отказа ворошить трагические страницы отечественной истории, поскольку это раскалывает общество и мешает его консолидации, составляет около 30 %. Тех же, кто отдает приоритет исторической правде как полной и честной картине хода событий, как бы горька она ни была, почти в два раза больше, что говорит о выраженном запросе россиян на историческую достоверность и справедливость в условиях «непроясненности» в обществе отдельных сюжетов истории страны.

Таблица 2

Суждения о соотношении истории и политики, сентябрь 2020 года, %

Суждения	
Нельзя постоянно «ворошить» трагические страницы нашей истории, это только раскалывает общество и мешает его консолидации	29
Нынешнему поколению россиян нужно полнее и честнее рассказывать и о героическом прошлом страны, и о трагических страницах истории России и СССР	61
Затруднились ответить	10

6. В российском социуме нарастает тренд на деидеологизацию истории, который проявляется в двух направлениях: в снижении в общественном мнении остроты противостояния советских и «антисоветских» версий интерпретации отдельных исторических периодов; в изменении доминирующих позитивных или негативных оценок роли ключевых политических деятелей в истории страны. Этот процесс не означает завершения идеологического противостояния в «персонально-историческом» контексте, поскольку продолжающиеся острые идеологические дискуссии фокусируются сегодня и на актуальной повестке, и на том, что происходило в прошлом. Это говорит о необходимости регулярного социологического мониторинга восприятия обществом отечественной истории. Накопилось немало аргументов в пользу того, что такой мониторинг — эффективный инструмент социальной диагностики состояния государственно-гражданской идентичности и ее влияния на массовое оценочно-ценностное отношение к событиям и процессам как прошлой, так и сегодняшней действительности.

Историческое сознание, включающее историческую память и восприятие национально-государственной символики, не только выступает в качестве основания гражданской идентичности, но и органично связано с ценностно-мировоззренческим осмыслением современности через призму как общественных, так и индивидуальных интересов. Следующие постулаты обосновывают роль оценочно-ценностных и идейно-мировоззренческих составляющих в консолидации российского социума.

7. После того, как с начала 2000-х годов пошло на спад увлечение части общества идеями либерализма и построения демократии по западным образцам, в массовом сознании стало укрепляться новое видение России и ее будущего. Путь, которым следует сегодня страна, оценивается большинством ее граждан как верный, а в перспективе — ведущий к положительным результатам (74 %). Около 40 % настроены на перемены в обществе, значит, нынешний курс соответствует запросу как тех, кто ожидает перемен, так и тех, кто ориентирован на стабильность. При этом наблюдается новое прочтение, своего рода переосмысление обще-

ством самой идеи перемен и пути развития страны, их взаимосвязи: еще три года назад «перемены» означали для многих поиск иного курса, а сегодня выбранный путь и «перемены» более не противоречат друг другу. Нынешний «путь» России — это в значительной степени ожидаемые «перемены».

Из образа этого «пути» уходят смыслы, связанные с движением страны в направлении прозападной модели развития. 8. *В настоящее время путь России понимается в массовом сознании как самобытная модель мироустройства и цивилизационного суверенитета* (78 %; только 22 % полагают, что Россия должна жить по тем же правилам, что и западные страны). Подобное понимание характерно для всех возрастных групп, кроме части молодежи до 25 лет (Рис. 3). Не отрицая ценности идеи демократии (при этом 65 % согласны, что индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, россиянам не подходящие), российское общество переосмысливает ее основные принципы, относясь к ним куда более адекватно, чем это предполагает демократия западного образца. Соглашаясь с тем, что демократия невозможна без оппозиции, россияне, тем не менее, хотят видеть в последней не политическую альтернативу действующей власти, а конструктивного партнера властей. Отношение к закону носит для большинства опциональный характер: практически все годы постсоветских реформ приоритетом является справедливость. По мнению многих россиян, свобода слова для СМИ и блогеров может быть ограничена, если они нарушают интересы государства. Разумеется, в обществе есть и те, кто последовательно придерживается демократических ценностей в их западном варианте, однако они составляют меньшинство (не более четверти опрошенных).

Рис. 3. Установки на прозападную или особую российскую цивилизационную модель, март 2022 года, %

9. Как в результате воссоединения Крыма с Россией, так и в настоящее время, в ходе проведения СВО на Украине, имеет место консолидация российского общества по ключевым вопросам настоящего и будущего страны. Динамика показателей ценностно-мировоззренческого сознания россиян после событий двух рубежных годов — 2014 и 2022 — отражает сходные представления о консолидации на фоне решительных действий международного значения, предпринимаемых Россией: укрепляется уверенность, что страна идет в правильном направлении, усиливается поддержка власти; вне рамок общественного согласия по важнейшим вопросам дальнейшего развития и устройства страны остаются россияне, не поддержавшие проведение СВО на Украине, — группа сравнительно небольшая, и до событий 2022 года выделявшаяся неприятием политического курса страны. Есть и еще одно важное обстоятельство — из сложившегося в 2022 году мировоззренческого консенсуса «выпадает» часть российской молодежи в возрасте до 25 лет, чем нынешняя обстановка отличается от ситуации 2014 года: тогда многие молодые россияне хотя и были в чем-то более критичны и либеральны, но в целом придерживались тех же базовых оценок, что и общество в целом, а сегодня они находятся в особой позиции (Рис. 4), полагая, пусть и не в большинстве своем, но чаще, чем представители остальных возрастных групп, что нынешний путь ведет страну в тупик, и ей следует жить по тем же правилам, что и современные зарубежные страны.

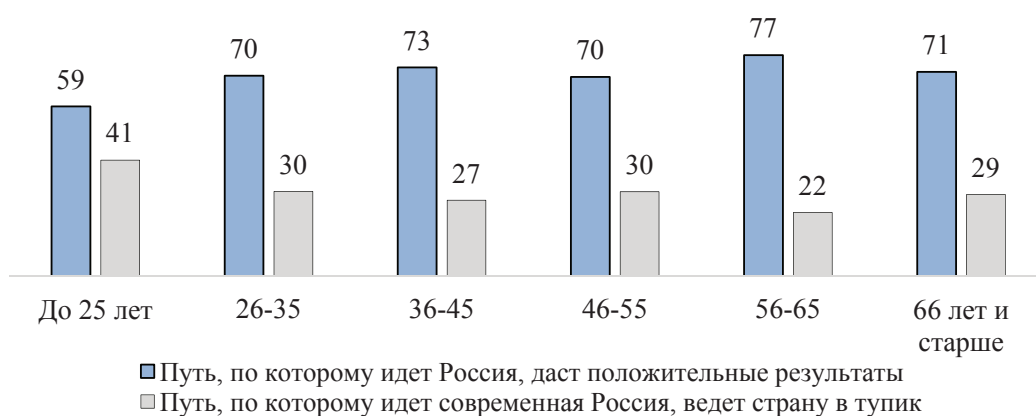

Рис. 4. Динамика оценок основного вектора развития страны, март 2022 года, %

10. Смыслжизненные установки россиян, касающиеся жизни человека и принципов, которыми он руководствуется, демонстрируют более высокую устойчивость по сравнению с представлениями о векторе развития страны, ее цивилизационной модели и государственном устройстве. «Смыслы для себя» менее подвержены изменчивости и составляют тот мировоззрен-

ческий базис, на который люди опираются в условиях высокой социальной турбулентности. Тем не менее, и в «смыслах для себя» наблюдаются некоторые изменения: они не ярко выражены количественно, но их согласованность свидетельствует об общем тренде, в котором проявляется защитная реакция общества на текущую ситуацию. С одной стороны, снижается восприятие себя как самодостаточных «кузнецов своего счастья». С другой стороны, усиливается внешний локус контроля — осознание себя как зависимых от государственной поддержки и внешних обстоятельств. Анализ структурных изменений, образующих тренд на снижение субъектности, демонстрирует, что наиболее уязвимы и подвержены им малообеспеченные россияне, жители глубинки, прежде всего поселков городского типа, а также когорта 46–55 лет. В атмосфере сужения пространства субъектности укрепляется значимость свободы — повышенная чувствительность к ней фиксируется в группах, испытывающих дефицит свободы в разных смыслах этого слова. Во-первых, это «лояльные западники» (декларирующие поддержку власти и пути, по которому идет страна, но желающие при этом видеть Россию устроенной по модели западной демократии) и те, кто полагает, что основные угрозы для России находятся внутри страны. Во-вторых, это те, кто испытывает «несвободу действий», прежде всего 26–35-летние россияне, заменившие под давлением внешних обстоятельств установку на самоактивность и самореализацию на приспособление к сложившейся ситуации.

Выявленный тренд на снижение субъектности выводит на постулат *11: последние девять лет (с весны 2014 года), которые сопровождались кризисами разной природы и санкционной войной против России, болезненно сказались на материальном положении подавляющего большинства россиян*. В наименьшей степени пострадали полярные доходные децили — самые бедные (благодаря государственным мерам помощи бедным и малообеспеченным) и наиболее высокодоходные (благодаря высокой ресурсообеспеченности, позволяющей успешно адаптироваться к новым условиям). Результат — доходное неравенство населения в массовых слоях остается глубоким: разрыв медианных доходов верхнего и нижнего децилей шестикратный (Рис. 5). В наибольшей степени — и объективно, и субъективно — от турбулентности последних лет пострадало материальное положение низко- и среднедоходных слоев.

Длительное ухудшение материального положения значительной части россиян (включая период пандемии) весьма опасно, поскольку его негативная динамика сказывается на восприятии текущего положения дел — как в катастрофической оценке ситуации в стране в целом (8%), так и в отношении к санкциям Запада. Это означает, что, во-первых, негативные умонастроения и оценки базовых жизненных аспектов носят главным образом не идеологический, а прагматически-утилитарный характер; во-вторых, расширение группы с нисходящей динамикой материального положения может способствовать более масштабному распространению негативных установок.

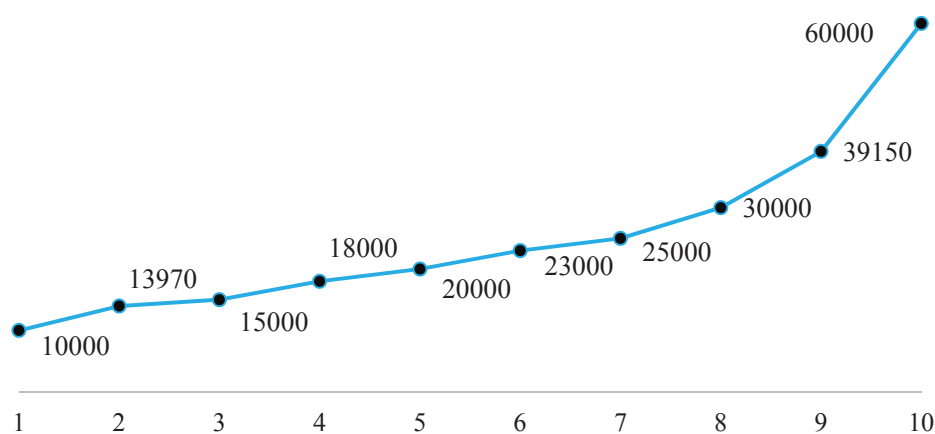

Рис. 5. Медианные среднедушевые доходы в децилях массовых слоев (2022, руб.)

Если укрупнить разные стороны жизнедеятельности в несколько блоков, отражающих повседневную жизнь людей, различные аспекты их занятости, место в социальной иерархии, отношения с ближайшим кругом и то, чего человек ожидает от повседневной жизни, то вырисовывается неудовлетворенность россиян взаимодействием с обществом в целом, с действующими в нем институтами макроуровня и результатами их функционирования. Это недовольство не только ситуацией у себя на работе, но и возможностями выражать свои взгляды, получать качественную медицинскую помощь, иметь социальные гарантии в случае утраты рабочего места и пр. Что же касается оценки своего положения в социальной иерархии, то в массе своей россияне им удовлетворены. 7% ощущают себя социальными аутсайдерами, для них характерно более мрачное видение своего будущего и в целом тяжелое социально-психологическое состояние с доминированием чувств беспокойства, страха, отчаяния или паники. Ощущающие себя социальными аутсайдерами резко критичны по отношению к реализуемой сегодня стратегии развития России. В этом отношении они, как бы парадоксально это ни выглядело, солидаризируются с некоторыми «звездами» российского шоу-бизнеса, оказываясь с ними, хотя и по разным причинам, в едином маргинальном «вне-мейн-стриме» в отношении к СВО.

12. В российском обществе сравнительно давно сложился консенсус относительно ключевых социальных групп, способствующих или препятствующих развитию страны. Помимо крестьян и рабочих, к способствующим большинство относит предпринимателей, средний класс, молодежь, военных и руководителей предприятий. Как следует из данных Таблицы 3, положительная роль интеллигенции признается сегодня заметно реже, что может говорить о невыполнении ею в глазах общественного мнения тех социальных функций, которые на нее возлагаются. Не улучшает ситуацию и реакция части отечественной интеллигенции на проведение СВО.

Таблица 3

Мнение россиян о влиянии на развитие страны разных социальных групп, март 2022 года, % (3)

Социальные группы	Способствуют развитию	Препятствуют развитию
Рабочие	94	5
Крестьяне	93	6
Средний класс	92	7
Предприниматели	90	10
Молодежь	88	11
Военные	83	16
Руководители предприятий и фирм	80	19
Интеллигенция	78	21
Сотрудники правоохранительных органов	65	34
Государственные чиновники	42	57

Неожиданно, что при довольно высокой степени консенсуса относительно доверия ключевым институтам и роли в развитии страны основных социальных групп, россияне сравнительно невысоко оценивают уровень взаимовыручки в обществе — в среднем на 5 из 10 баллов, что не согласуется с уровнем доверия ближайшему окружению и объективными показателями готовности наших сограждан прийти на помощь друг другу, которые, напротив, очень высоки. Практически все россияне рассчитывают на получение хотя бы хозяйственно-бытовой помощи и готовы оказывать ее сами, что объективно свидетельствует о высоком потенциале взаимовыручки (повсеместное расширение волонтерского движения, различных благотворительных и гуманитарных акций). Уровень межличностного доверия среди россиян также высок (Табл. 4): наибольшим доверием пользуются представители ближайшего круга — семья, родственники и друзья. За период 2022–2023 годов уровень межличностного доверия («доверяют полностью»), особенно самым близким, несколько снизился, что, видимо, отчасти объясняется неоднородностью отношения к событиям на Украине.

Таблица 4

«Насколько Вы доверяете своему ближайшему окружению?», 2021–2022, %

Окружение	Доверяют		Доверяют отчасти		Не доверяют		В окружении таких нет	
	2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022
Члены семьи	91	88	8	11	0	1	1	0
Родственники	69	62	29	34	2	4	0	0
Друзья	56	49	40	44	3	6	1	1
Коллеги	18	18	49	50	13	16	20	16
Соседи	18	14	55	55	25	29	2	2

13. Обращаясь к задачам, которые обществу предстоит решить на пути созидания России будущего, большинство, как и ранее, выдвигает на первый план борьбу с коррупцией (42 %), в разряд несомненных приоритетов («тройку лидеров») входит создание эффективной наукоемкой экономики (36 %) и преодоление избыточных социальных неравенств (35 %). В последние годы заметно увеличилась доля россиян, указывающих в числе основных приоритетов укрепление суверенитета России и ее позиций на мировой арене (с четверти до трети — в 2021 и 2022 году соответственно). Уменьшение санкционного давления на страну, похоже, не является для большинства предметом особой озабоченности. В целом сложившиеся в массовом сознании представления об актуальных задачах, стоящих перед страной, на протяжении двух десятилетий практически не менялись: помимо названных к ним относятся обеспечение равенства всех перед законом (31 %) и увеличение бюджетного финансирования социальной сферы (медицины, образования, культуры) (30 %). Вопросы либеральной повестки (демократическое обновление, расширение прав и свобод, возможностей для предпринимательства и т.п.) остаются на периферии внимания и не воспринимаются как значимые в плане коллективного целеполагания.

Традиционные социально-демографические характеристики — род занятий, уровень доходов, место проживания и т.п. — в большинстве своем оказывают на социальные установки и политические умонастроения незначительное влияние: сторонники разных представлений о желаемом будущем России распределены по перечисленным категориям в примерно одинаковых долях. Самым сильным и значимым сегментирующим признаком выступает личный выбор между двумя принципиально разными стратегиями развития страны: одна группа составляет явное меньшинство (15 %) (условные «новые западники») и желает, чтобы Россия следовала по западному пути; другая группа охватывает подавляющее большинство (условные «государственники»), предпочитающее собственный, самобытный путь развития страны.

Две указанные группы отличаются восприятием нынешнего миропорядка и видением того, какие действия в будущем следует предпринять. «Новые западники» выделяются оторванностью от исторического прошлого страны, демонстрируют недоверие ко всем уровням власти, чувствительны к вопросу защиты прав и свобод человека и не способны мириться с ущемлением прав меньшинств ради защиты интересов и прав большинства, чаще других не поддерживают государственные решения последнего времени и убеждены, что Россия в принципе идет не тем путем. «Государственники», наоборот, глубоко чтят историю, причем не только страны, но и своей семьи. Историческая память выступает, по их мнению, одной из важнейших основ социальной солидарности. Будучи лояльными властям и доверяя их решениям, «государственники» чаще поддерживают внешнеполитические решения последнего времени и не опасаются западных санкций, полагая, что они при-

несут российской экономике пользу. «Государственники» — основные сторонники большей централизации власти в стране, они исходят из того, что только государство, опирающееся на внутренне сплоченный социум, способно отстаивать право России быть сильной и процветающей.

Примечания

- (1) Массовые опросы населения были проведены осенью 2020 года, весной 2021–2022 годов и летом 2023 года по репрезентативной общероссийской районированной квотной выборке. Объем выборочной совокупности — 2000 респондентов, репрезентирующих взрослое население (18+) по параметрам пола, социально-профессионального статуса, образования и типа населенного пункта проживания.
- (2) Анализ результатов исследований и сделанные на их основе выводы см. в [8].
- (3) В таблице не указаны затруднившиеся с ответом, поэтому сумма ответов по строке может быть меньше 100 %.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 20-18-00505 «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз».

Библиографический список

1. *Андреев А.Л.* Историческое самосознание. Теория. История. Практика. Красноярск, 2002.
2. *Андреев А.Л.* Историческое самосознание современного российского общества // Вестник РАН. 2021. Т. 91. № 4.
3. *Воробьева И.В.* Историческая память и историческое сознание россиян: современное состояние и тенденции // Труды СПбГИК. 2015. Т. 208.
4. *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Историческое сознание молодежи // Вестник РАН. 2010. Т. 80. № 3.
5. *Дробизжева Л.М.* Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8.
6. *Дробизжева Л.М., Рыжова С.В.* Общероссийская идентичность в социологическом измерении // Вестник российской нации. 2021. № 1–2.
7. Историческая память и российская идентичность / Под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М., 2018.
8. Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / Под ред. М.К. Горшкова. М., 2022.
9. *Левада Ю.А.* Историческое сознание и научный метод // Памяти Юрия Александровича Левады / Сост. Т.В. Левада. М., 2011.
10. *Леона А.В.* Историческое сознание в условиях социокультурного кризиса. Красноярск, 2011.
11. *Мерзлякова И.Л.* Историческое сознание российского общества в условиях социально-политической модернизации в конце XX — начале XXI вв. М., 2021.
12. *Мерзлякова И.Л.* Функции исторического сознания в условиях модернизации современного российского общества // Вестник ДонГТУ. 2012. Т. 12. № 4.
13. *Перевезенцев С.В.* Историческое сознание: опыт типологизации // Словесно-исторические научные чтения им. Т.Н. Щипковой. Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности / Под ред. А.В. Щипкова. М., 2020.
14. *Пичугин В.Г.* Историческое сознание общества: основные подходы к определению методологического статуса // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11. № 3А.

15. Приходько Е.А., Лебедева С.О. Историческая память и историческое сознание // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2010. № 1.
16. Путилова Е.Г. Историческое сознание и историческая память: соотношение понятий на современном этапе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 10. Ч. II.
17. Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5.
18. Репина Л.П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое. 2016. № 1.
19. Репинецкая Ю.С. К вопросу о содержании понятий «историческое сознание» и «историческая память» // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 1.
20. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2014. № 2.
21. Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты / Отв. ред. Е.М. Арутюнова, С.В. Рыжова. М., 2021.
22. Сыров В.Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования // Вестник ТГУ. История. 2013. № 1.
23. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4.
24. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739

EDN: FQZJXO

Consolidation of the Russian society under contemporary challenges: Social-historical and value contexts*

M.K. Gorshkov^{1,2}, I.O. Tyurina²

¹Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS,
Krzhizhanovskogo St., 24/35-5, Moscow, 117218, Russia

²Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Bolshaya Andronievskaya St., 5–1, Moscow, 109544, Russia

(e-mail: m_gorshkov@isras.ru; irina1-tiourina@yandex.ru)

Abstract. Civil identity is one of the key resources for uniting Russian society. It is based on the historical self-awareness, common historical memory, joint commemoration of significant historical events and achievements of the state and society. Civil identity of the Russian nation is concentrated around the Soviet legacy: Russian reality is filled with Soviet reminiscences and markers of historical memory, many of which act as ‘links’ for the differentiated social space. However, the Soviet period is becoming increasingly distant, full of myths and simplified interpretations. Therefore, the increased attention to the interpretation of ambiguous events of the Soviet history may cause a critical revision of the Soviet value paradigm in relation to the

*© M.K. Gorshkov, I.O. Tyurina, 2023

The article was submitted on 10.05.2023. The article was accepted on 14.09.2023.

historical heritage and the policy of memory and become a catalyst for centrifugal sentiments, creating threats to the state security and integrity. The efficiency of state institutions and prospects of civil society structures depend on the dominant identity markers in the mass consciousness and on the most important reference groups for self-identification. Thus, the study of the historical consciousness and memory of Russians as the basic principles of national consensus and the analysis of the features of the post-crisis historical worldview of different groups in the Russian society are of particular relevance. Based on the monitoring research data from the IS FCTAS RAS surveys (conducted in 2020–2023 on the representative all-Russian regionalized quota sample; N = 2000) and an integrated approach, the authors assess the historical and value consciousness of Russians under contemporary challenges: interest in history and historical facts, perception of historical periods and leading historical figures; attitude to national history, formation of the all-Russian identity and the role of family memory in this process; a ‘new vision’ of Russia and its future, a trend to rethink the idea of change and the path of national development, understood in the mass consciousness through the original model of the world order and civilizational sovereignty; ideas about key social groups that contribute to or hinder national development, and about the tasks to be solved on the path to creating future Russia. The main conclusions of the research are presented in the article in the form of postulates.

Key words: post-Soviet Russia; consolidation of society; threats and challenges; civil identity; historical consciousness; historical memory; national history; sociological postulation; Russian world order; vision of Russia and its future

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 20-18-00505 «Mass attitudes, values and beliefs as factors offsetting social-cultural challenges and threats to social cohesion in the contemporary Russian society».

References

1. Andreev A.L. *Istoricheskoe samosoznanie. Teoriya. Istoriya. Praktika* [Historical Consciousness. Theory. History. Practice]. Krasnoyarsk; 2002. (In Russ.).
2. Andreev A.L. Istoricheskoe samosoznanie sovremennogo rossijskogo obshchestva [Historical consciousness of the contemporary Russian society]. *Herald of the RAS*. 2021; 91 (4). (In Russ.).
3. Vorobieva I.V. Istoricheskaya pamyat i istoricheskoe soznanie rossiyan: sovremennoe sostoyanie i tendentsii [Historical memory and historical consciousness of Russians: The present state and trends]. *Proceedings of the SPbSIC*. 2015; 208. (In Russ.).
4. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Istoricheskoe soznanie molodezhi [Historical consciousness of the youth]. *Herald of the RAS*. 2010; 80 (3). (In Russ.).
5. Drobizheva L.M. Rossijskaya identichnost: poiski opredeleniya i dinamika rasprostraneniya [Russian identity: In search for definition and distribution dynamics]. *Sociological Studies*. 2020; 8. (In Russ.).
6. Drobizheva L.M., Ryzhova S.V. Obshherossijskaya identichnost v sotsiologicheskom izmerenii [All-Russian identity in the sociological dimension]. *Bulletin of the Russian Nation*. 2021; 1–2. (In Russ.).
7. *Istoricheskaya pamyat i rossijskaya identichnost* [Historical Memory and Russian Identity]. Moscow; 2018. (In Russ.).
8. *Istoricheskoe soznanie rossiyan: otsenki proshlogo, pamyat, simvoly (opyt sotsiologicheskogo izmereniya)* [Historical Consciousness of Russians: Assessment of the Past, Memory, Symbols (Sociological Measurement)]. Moscow; 2022 (In Russ.).
9. Levada Yu.A. Istoricheskoe soznanie i nauchny metod [Historical consciousness and scientific method]. In *Memory of Yuri Aleksandrovich Levada*. Moscow; 2011. (In Russ.).
10. Leopa A.V. *Istoricheskoe soznanie v usloviyah sotsiokulturnogo krizisa* [Historical Consciousness under the Social-Cultural Crisis]. Krasnoyarsk; 2011. (In Russ.).

11. Merzlyakova I.L. *Istoricheskoe soznanie rossijskogo obshchestva v usloviyah sotsialno-politicheskoy modernizatsii v kontse XX — nachale XXI vv.* [Historical Consciousness of the Russian Society under the Sociak-Political Modernization in the Late 20th — Early 21st Century]. Moscow; 2021. (In Russ.).
12. Merzlyakova I.L. Funktsii istoricheskogo soznaniya v usloviyah modernizatsii sovremennogo rossijskogo obshchestva [Historical consciousness functions under modernization of the contemporary Russian society]. *Bulletin of the DSTU*. 2012; 12 (4). (In Russ.).
13. Perevezentsev S.V. Istoricheskoe soznanie: opyt tipologizatsii [Historical consciousness: A typology]. *Slovesno-istoricheskie nauchnye chteniya im. T.N. Shhipkovej. Gumanitarnye nauki i otechestvennoe obrazovanie. Istoriya, preemstvennost i tsennosti*. Moscow; 2020. (In Russ.).
14. Pichugin V.G. Istoricheskoe soznanie obshchestva: osnovnye podkhody k opredeleniyu metodologicheskogo statusa [Historical consciousness of the society: Main approaches to identifying its methodological status]. *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*. 2022; 11 (3A). (In Russ.).
15. Prikhodko E.A., Lebedeva S.O. Istoricheskaya pamyat i istoricheskoe soznanie [Historical memory and historical consciousness]. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural and Art Studies. Issues of Theory and Practice*. 2010; 1 (5). (In Russ.).
16. Putilova E.G. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat: Sootnoshenie ponyatij na sovremennom etape [Historical consciousness and historical memory: The present correlation of notions]. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural and Art Studies. Issues of Theory and Practice*. 2012; 10 (24). Part II. (In Russ.).
17. Repina L.P. Istoricheskaya pamyat i sovremennaya istoriografiya [Historical memory and contemporary historiography]. *New and Contemporary History*. 2004; 5. (In Russ.).
18. Repina L.P. Sobytiya i obrazy proshlogo v istoricheskoy i kulturnoj pamyati [Events and images of the past in historical and cultural memory]. *The New Past*. 2016; 1. (In Russ.).
19. Repinetskaya Yu.S. K voprosu o soderzhanii ponyatij “istoricheskoe soznanie” i “istoricheskaya pamyat” [On the content of the concepts “historical consciousness” and “historical memory”]. *Samara Scientific Bulletin*. 2017; 6 (1). (In Russ.).
20. Rostovtsev E.A., Sosnytsky D.A. Napravleniya issledovaniy istoricheskoy pamyati v Rossii [Main areas of the Russian memorial studies]. *Bulletin of the Saint Petersburg University. Series 2: History*. 2014; 2. (In Russ.).
21. *Soderzhatelnye osnovy rossijskoy identichnosti. Regionalny i etnokulturny konteksty* [Basics of the Russian Identity. Regional and Ethnic-Cultural Contexts]. Moscow; 2021 (In Russ.).
22. Syrov V.N. V kakom istoricheskom soznanii my nuzhdaemsya: K metodologii podkhoda i praktike ispolzovaniya [What kind of historical consciousness we need: On the methodology of approach and its practical use]. *Bulletin of the TSU. History*. 2013; 1 (21). (In Russ.).
23. Toshchenko Zh.T. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat. Analiz sovremennogo sostoyaniya [Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state]. *New and Contemporary History*. 2000; 4. (In Russ.).
24. Halbwachs M. *Sotsialnye ramki pamyati* [The Social Frameworks of Memory]. Moscow; 2007. (In Russ.).